

Военная публицистика В.С. Гроссмана 1941 г.
в газете «Известия»

Юрий Г. Бит-Юнан

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bityunan@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется публицистическая составляющая двух первых статей известного советского романиста В.С. Гроссмана, напечатанных в июле 1941 г. газетой «Известия». Несмотря на то что В.С. Гроссман широко известен как фронтовой корреспондент, эти публикации до сих пор оставались вне поля зрения исследователей. Делается вывод, что основным публицистическим приемом, который использовал В.С. Гроссман, является антитеза, которая проявляется на уровне идеологии, композиции и речевых средств.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, «Известия», публицистика, фронтовой корреспондент, военный очерк, советская журналистика

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Военная публицистика В.С. Гроссмана 1941 г. в газете «Известия» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 98–108. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-98-108

V. Grossman's articles on the Second World War
in the "Izvestiya", 1941

Yury G. Bit-Yunan

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, bityunan@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the journalistic component of the first two articles of the famous Soviet novelist V.S. Grossman, published in July 1941 by the newspaper "Izvestiya". Despite V. Grossman's being famous as a war correspondent, those two pieces have not been commented on yet. It is concluded that the main journalistic method used by V.S. Grossman is an antithesis that manifests itself at the level of the ideology, composition and speech means.

Keywords: V. Grossman, “Izvestiya”, political essays, war correspondent, was essay, Soviet press

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2019), “V. Grossman’s articles on the Second World War in the ‘Izvestiya’, 1941”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 98-108. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-98-108

Один из наиболее известных фактов в биографии В.С. Гроссмана – это конфискация его романа «Жизнь и судьба» сотрудниками КГБ 14 февраля 1961 г. Самые важные и драматичные события последних лет его жизни: письмо к Н.С. Хрущеву с просьбой вернуть рукописи, встреча с М.А. Суловым по поводу этого письма, поездка в Армению и мучительная смерть в 1964 г., которой предшествовало создание прощальной повести «Все течет», – рассматриваются как неизбежное следствие ареста «Жизни и судьбы».

В аспекте же репутационном это событие предопределило образ Гроссмана в советской историографии. Если судить по статье Г.Н. Мунблита о Гроссмани, опубликованной в «Краткой литературной энциклопедии», биография писателя как бы распадается на две части. Сначала он – автор производственной прозы и сочинений о Гражданской войне, а затем, после Великой Отечественной войны, – фронтовой корреспондент и автор неоконченного романа о Сталинградской битве – «За правое дело» [Мунблит 1964]. О фактографической корректности статьи Мунблита здесь речь не ведется. Корректна она лишь в плане политической прагматики середины 1960-х гг., когда она и создавалась. Однако библиография произведений Гроссмана, равно как и библиография работ о нем, указывает на то, что и современники, и потомки действительно должны были запомнить его как выдающегося фронтового корреспондента.

Военные очерки Гроссмана обильно рецензировались¹. Сборник его военных очерков «Годы войны» был трижды издан в советское время: в 1945, 1946 гг. и, предсказуемо, – в 1989 г., через год после того, как журналом «Октябрь» был опубликован роман «Жизнь и судьба»². И хотя с тех пор «Годы войны» не печатались,

¹ См., напр.: Ковальчик Е. «Народ бессмертен» // Литература и искусство. 1942. 15 авг.; Книпович Е. Народ и история // Знамя. 1943. № 7–8. С. 249–253; Дерман А. Военные книги для детей // Новый мир. 1945. № 4. С. 141–147; Эренбург И. Глазами Василия Гроссмана // Литературная газета. 1946. 23 февр.

² Гроссман В.С. Годы войны: очерки и рассказы. М.: Гослитиздат, 1945; Он же. Годы войны: очерки и рассказы. М.: Гослитиздат, 1946; Он же. Годы войны: очерки, рассказы. М.: Правда, 1989.

интерес к этим материалам не становится меньше. Разделы, посвященные работе Гроссмана на фронте, присутствуют в наиболее важных работах о писателе [Бочаров 1990, с. 117–160; Ellis 1994, pp. 27-70; Елина 1994, с. 50–81; Garrard, Garrard 1996, pp. 135-194]. Название одной из наиболее поздних биографий Гроссмана, выполненной М. Анисимов (M. Anissimov), даже учитывает эту специфику – «Василий Гроссман. Писатель войны» (“Vassili Grossman. Un écrivain de combat”) [Anissimov 2012]. Здесь, впрочем, содержится игра слов: под «войной» подразумевается еще и «борьба» Гроссмана за свою правду. Известный британский историк Э. Бивор (A. Beevor) перевел на английский язык многие очерки Гроссмана и его военные записные книжки, а также прокомментировал их. Так появился исторический труд «Писатель на войне. Василий Гроссман с Красной армией 1941–1945» (“A writer at war. Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945”) [Beevor 2006]. О жизни Гроссмана на фронте содержатся ценные сведения и в монографии Н.М. Малыгиной «Андрей Платонов и литературная Москва» [Малыгина 2018, с. 531–549].

В то же время «известное» не означает «полностью исследованное». В частности, исследователи военных репортажей Гроссмана до сих пор не составили их полного библиографического списка. Изучаются и комментируются лишь те из них, которые были включены автором в сборник «Годы войны». В частности, наиболее популярны у гроссмановедов такие очерки, как «Направление главного удара», «Глазами Чехова», «Добро сильнее зла» и некоторые другие. Публикации, не вошедшие в эту книгу, даже не упоминаются. В то же время в 1941–1945 гг. на страницах «Красной звезды» было опубликовано более 20 корреспонденций и репортажей – и впоследствии они ни разу не переиздавались.

В данном случае речь пойдет о двух первых статьях Гроссмана, которые были напечатаны в июле 1941 г. газетой «Известия»: «Готовность к подвигу» и «Коричневые клопы»³.

* * *

Содержание и идеология первой статьи удачно раскрываются заголовком. Гроссман осознавал, насколько страшно для людей начало войны. Поэтому он убеждает читателя, что советский народ к войне давно готов. Пусть он ее и не хочет.

Согласно Гроссману, после Октября 1917 г. все граждане СССР «жили новым законом». По этому новому, социалистическому закону «работали фабрики и заводы», «работали крестьяне на

³ Гроссман В.С. Готовность к подвигу // Известия. 1941. 2 июля; Он же. Коричневые клопы // Известия. 1941. 12 июля.

полях, по-новому учили детей в школе, по-новому строились отношения людей». И постигшее в июне 1941 г. страну горе – это проверка этого закона «в тысячах, десятках тысяч фактов».

Первая проверка – это «наши молодые бойцы, наши юноши, выросшие на идеях советского патриотизма». Превосходство советских солдат над немецкими, по Гроссману, гарантировано тем, что бойцы Красной армии чтут «превыше всего труд и общественное благо». Именно привычка к труду позволит СССР уничтожить армию Гитлера. Тут же проводится аналогия между работой в шахте, возделыванием земли и военной службой: «Рядовой стахановец, живой инициативной мыслью помогающий своему производству, совершенствующий сложные механизмы, удачно соревнующийся с конструктором и техником, родной брат того крестьянина, который двадцать семь лет тому назад поставил неумелый крест в том месте, где велели ему расписаться в волостном правлении, и, покинув свой плужок, соху, лошадку, пошел на фронт. Нужно ли говорить о великих преимуществах нашего стахановца-фронтовика!»

Примечательно, что вместо слов «плуг» и «лошадь» Гроссман употребил их диминутивные формы. Вероятно, его целью было противопоставить убогий сельский быт дореволюционной России производственной мощности СССР. Непонятно лишь, почему «соха» не перекалфицирована в «сошку».

Второе испытание – это испытание оружия. «Советское автоматическое оружие, советские танки, советские самолеты и советская артиллерия не уступают оружию противника», – настаивает Гроссман. И прежнего дефицита боеприпасов военные не знают: «Наша артиллерия способна дни и ночи вести огонь по противнику... А сколько книжек прочел наш артиллерийский расчет, как много знает, сколько учился в школе и на работе!»

Суждения Гроссмана можно было бы счесть излишне прямолинейными. Однако в тех условиях, вероятно, такая стилистика была действенной. Чем проще мысль, чем проще язык, тем выше доверие к автору. Тем эффективнее публицистическая составляющая.

Говоря о третьем испытании, Гроссман проводит аналогии между жизнью семьи и жизнью государства: «В жизни семьи и в жизни народа бывают дни проверки духовного богатства, прочности внутренней, моральной жизни». И нередко случается, что благополучие семьи – не более чем иллюзия. Да, там «все как будто хорошо», там «все друг с другом страшно вежливы, много и по любому поводу улыбаются». Однако с наступлением грозы «семья эта рассыпается, все члены ее забывают друг о друге, забыв о привычке улыбаться, заботятся лишь о своей собственной шкуре». Примечательно, что здесь идея выражается с использованием дисфемизма, к чему Гроссман не так часто прибегал (это отмечалось,

в частности, Е.Г. Эткиндо, лоббировавшим роман «Жизнь и судьба» в русскоязычной израильской прессе⁴). И таких государств, утверждает Гроссман, оказалось немало в Европе. Но есть и такие семьи, члены которых «связаны суровым каждодневным трудом»: «Им знакомы и холодные ветры, и совместный молчаливый путь на работу в темное зимнее утро, и общее горе при утрате близкого человека». Примером такой семьи Гроссман, безусловно, считает СССР.

Далее аналогия «страна–родина–семья» закрепляется. С этой целью Гроссман приводит аргументы культурно-политического плана: «Понятие родина для нашего народа расширилось, наполнилось новым содержанием. В темные царские времена богатства русской культуры были недоступны народу». Теперь же «миллионы людей полной мерой пьют из чаши русской культуры, миллионы завоевали право читать Толстого, слушать музыку Чайковского, восторгаться гениальным законом великого Менделеева».

Следующий фрагмент выполнен в соответствии с избранной публицистической установкой «чем проще, тем лучше». Описывая работу советских заводов, Гроссман восторженно сравнивает «потoki сверкающей стали» с реками, которые «несут, подобно разлившейся Волге, десятки миллионов тонн стали, чугуна, меди, алюминия, желтой пшеницы, взрывчатых веществ». А «заревы доменных печей» предсказуемо уподобляется красному знамени «сурового трудового народа».

Рецензенты ранних произведений Гроссмана неоднократно отмечали, что он пишет чересчур экстравагантно⁵. Некоторые сравнения у него звучат искусственно и претенциозно. Здесь ситуация обратная. Гроссман будто намеренно избегает вычурности. Потoki стали сравниваются с реками, красное знамя – с огнем. Вряд ли можно классифицировать образы по изысканности, однако, если бы это было возможно, в данном случае речь шла бы о базовом уровне.

Завершалась эта публикация ритуальными фразами о роли партии и ее лидеров, а также заверением, что фашисты будут уничтожены.

Вторая статья выглядит как противоположность первой.

Если в «Готовности к подвигу» Гроссман писал о «новом законе», то здесь речь идет о «новом порядке» – о гитлеровской политике. Впрочем, «“Новый порядок”, который устанавливает Гитлер,

⁴ См.: Эткинд Е.Г. Нет двух правд: О советском издании романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Страна и мир. 1988. № 6. С. 132–137.

⁵ См., напр.: Мунблит Г.Н. Мера и грация // Литературная газета. 1934. 16 нояб.; Лежнев А.З. Чувство товарищества // Красная новь. 1935. № 2. С. 219–230.

совсем не нов. Ему много сот лет, этому порядку инквизиции, костров, мракобесия».

Историческая параллель переводит завышенное выражение «новый порядок» в контекст, близкий к ироническому. Коль скоро гитлеровская политика отбрасывает Европу в Средние века, о каком развитии и о какой модернизации может идти речь. Наоборот, это деградация до уровня средневекового феодализма. А у феодала, как известно, «нет морали, нет запрета. У него нет жалости; его прихоть, каприз – высший закон для крепостного люда».

По Гроссману, распространение фашизма угрожает всем культурно-политическим достижениям Европы, и не только Германии. Гитлер «хочет заставить мир отказаться от того, что добыто усилиями просветителей, борьбой французского народа во время революции 1789 года, во время Парижской Коммуны, он хочет растоптать национальную независимость английского народа, он поднял руку на великие завоевания Октябрьской революции в СССР».

Характерно, что в этом фрагменте, как и в статье в целом, экспрессии куда как больше, чем в первой публикации.

Далее Гроссман сочувственно пишет о странах, уже пострадавших от гитлеровской агрессии. Во Франции «среди платанов и виноградников маршируют фашистские полчища», а «прекрасный Париж переживает дни позора и траура». Грецию, «страну священных для человечества памятников культуры, страну пастбищ и садов, оскверняют вонючие сапоги фашистов». Высказывает Гроссман сочувствие к Сербии и к Бельгии, чей народ, «бывшийся с гнусными полчищами герцога Альбы, порабощен».

Примечательно при этом, что Гроссман ни слова не говорит о колониальной политике Франции и Бельгии. Не говорит он и о том, что Франция и Бельгия еще недавно были опасными политическими конкурентами СССР, а Бельгия до 10 мая 1940 г. сохраняла политический нейтралитет. Однако бывшие оппоненты уже стали союзниками, поэтому критика не подразумевалась. Все ради достижения публицистической цели.

С другой стороны, такой подход нетрудно было аргументировать. Плох был не весь капиталистический мир. Плохи были те, кому было выгодно сохранение капитализма. Гроссман писал не о буржуазии и не о главах государства – он писал о простых людях. По этой причине в абзаце, посвященном Бельгии, Гроссман негодует, что «фашисты хозяйничают на металлургических заводах Бельгии, ее знаменитых каменноугольных выработках. Шарят лапами в крестьянских закромах».

Схожая, рабоче-ориентированная характеристика дается и Норвегии. По Гроссману, это страна тружеников – страна «рыбаков, лесорубов, мореплавателей». И там, «среди каменных кружев

фиордов, в прекрасных гордых лесах копошатся зловонные коричневые клопы».

Далее – нота сострадания к Европе и прозрачные аллюзии (с обратным политическим значением) на заглавие книги Г. Уэллса «Россия во мгле»: «Ночью Европа во мгле. Люди спят тревожно, чутко, готовые по первому зову гудков и сирен покинуть свои комнаты, квартиры, зарыться в землю, спуститься в глубокий подвал. Европа во мгле!»

В публицистическом и идеологическом аспекте особенно важен следующий абзац, где снова подчеркивается политическое различие между эксплуатируемыми и эксплуататорами в Европе. «Кто породил этих страшных людей, проповедников рабства, неравенства, угнетения?» – восклицает Гроссман и сам же отвечает на свой вопрос: «Нет, не немецкий народ! Немецкий народ, содрогаясь от ужаса, следит за нацистской расправой над миром». Охарактеризованный как «великий человек», Альберт Эйнштейн покинул Германию «с негодованием и отвращением». Многие другие деятели культуры и науки «бежали из чумного гитлеровского царства». А если бы Рихард Вагнер мог угадать, «что его музыка будет нравиться Гитлеру, он бы не стал писать ее». Гроссман настаивает, что во всем виноват европейский империализм. И немецкий фашизм – самое страшное его проявление. Но это отнюдь не патология немецкой истории – к несчастью, это ее норма и естественный результат: «Коричневых клопов породили господствующие классы Германии. Помещики с моноклем из помещичьих усадеб, баварские бюргеры, короли химии, угля и стали. Омерзительная прусская государственность, самая кичливая, наглая, самая гнусная и самоуверенная, участвовала в рождении нацизма. Прусская реакция всегда была враждебна гению немецкого народа».

Аргументируется это суждение ссылкой на ряд исторических прецедентов: «Юлиус Роберт Майер, открывший закон вечности энергии, был доведен до сумасшествия и покончил самоубийством, выбросившись из окна. Великий химик Либих, поэт Гейне, – почти все германские писатели, философы и ученые жили в великой нужде, изгонялись из университетов, подвергались репрессиям и преследованиям».

Гроссман, видимо, выбирал наиболее близкие по его образованию примеры. Однако экскурсы в биографию великих немцев удивительно неточны.

Юлиус фон Майер (также Мейер; (1814–1878)) не был фигурой столь трагичной, как изобразил Гроссман. Он был достаточно скромен, в юности не смог завести надежных связей в научном мире. Его конкурентами (и потенциальными партнерами) были известнейшие в то время физики и химики. Достижения Майера

долгое время игнорировались, и отчасти по этой причине бóльшую известность получил Джеймс Джоуль, высказавший и аргументировавший идеи, схожие с идеями Майера. Постоянные конфликты с известными немецкими профессорами, отсутствие возможности опубликовать свои работы действительно довели Майера до попытки суицида. Однако лишь до попытки. Выбросившись из окна 18 мая 1850 г., он не умер – только сломал ногу. В 1851 г., переболев менингитом, он был отправлен на принудительное лечение в психиатрическую клинику. Методы лечения там, конечно, не были гуманными, но мало где дела в то время обстояли иначе. Кстати, вскоре после выписки его работы уже были оценены по достоинству. Сказать, что он умер в безвестности, было бы неверно⁶ [Храмов 1983].

Еще меньше соответствует контексту гроссмановской статьи биография Юстуса фон Либиха (1803–1873). Он был сыном промышленника, учился в университете Бонна. Его наставником был известнейший немецкий химик, профессор Карл Вильгельм Готлоб Кастнер. Он же, кстати, был и партнером отца Либиха по бизнесу. Впоследствии Либих обучался в Париже, причем не за свой счет. Кастнер добился того, чтобы тому был выписан грант из бюджета Гессена. Либих сделал великолепную научную карьеру и был лично отмечен королем Баварии Максимилианом Вторым, пожаловавшим тому должность профессора в Мюнхенском университете Людвиг-Максимилиана. Вскоре Либих стал советником монарха по науке. Дабы силы великого ученого не расточались, ему были созданы особые условия. Либих переехал в дом, больше напоминавший особняк. Там была лаборатория, в которой он проводил эксперименты, и прекрасно оборудованный кабинет. Рядом с домом выстроили лекционный театр, рассчитанный на 300 человек. В 1858 г. Либих был избран постоянным председателем Баварской академии естественных и гуманитарных наук. Он оставался в славе и почете до 1864 г., т. е. до самой смерти своего покровителя, Максимилиана Второго. Когда же того не стало, Либих и все его окружение, исповедовавшие протестантизм, как и сам Максимилиан Второй, стали объектом ожесточенной критики со стороны ультрамонтанов, набиравших влияние в Баварии. И все же это мало повредило его репутации – тем более в научном мире [Шарвин 1925].

Иначе говоря, если бы Майера еще и можно было – с явными натяжками – выдать за жертву исторических обстоятельств,

---

⁶ См. подробнее: *Замятин Е.И.* Роберт Майер // Сайт, посвященный творчеству Е.И. Замятина [Электронный ресурс]. URL: <http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/zamyatin-kritika/robert-majer.htm> (дата обращения 1 апр. 2019).

то Либиха – никак нет. Первый был скорее жертвой чопорного научного сообщества, не желавшего принимать новичка, – второй на склоне лет конфликтовал с адептами консервативного католицизма. Но ни первый, ни уж точно второй империалистами унижены и порабощены не были. Тем более Либих не знал ни «великой нужды», ни «изгнания из университетов».

Пример с Гейне (1797–1856) тоже вряд ли уместен. Да, в 1821 г. у него был конфликт с администрацией геттингенского университета. Однако он там был студентом, а не профессором. И был не «изгнан», а на полгода отстранен от учебы из-за того, что вызвал одного из товарищей на дуэль. Она, кстати, так и не состоялась – именно благодаря тому, что ректорат проявил бдительность. Положенного срока Гейне, впрочем, не выждал – поступил в университет Берлина, не встретив никаких тому препятствий⁷.

Был ли Гроссман осведомлен об этом? Лукавил ли в угоду публицистической цели? Определенно сказать невозможно.

Но что же противопоставить «средневековой», «феодальной» силе, грядущей с Запада? Конечно, силу советского оружия и русского духа. И переоценить их историческое значение невозможно: «Вся земля, затаив дыхание, следит за смертной битвой, идущей между фашистами и свободными советскими людьми. <...> В бой за свободу, за культуру, цивилизацию... Против феодального рабства, против голода, позора, неравенства, мракобесия!» – призывает автор.

Завершают статью лаконичные формулы надежды: «Два года Европа во мгле. Но пламя борьбы на Востоке бросает свои отблески на черную ночь. Это пламя утренней зари». Однако в контексте всей публикации они приобретают особое, торжественное звучание.

* * *

В основе обеих статей – контраст.

«Готовность к подвигу» представляет читателю картину советского мира, не дрогнувшего под натиском врага. На смену мирному труду пришел труд ратный. Гроссман акцентирует, что советский народ не хочет войны – и все же он готов к ней. Скудость вооружения царской армии противопоставляется обилию боеприпасов армии СССР. А естественному в таких условиях страху перед лицом врага противопоставляется бесстрашие красноармейцев.

⁷ *Вейнберг П.И.* Генрих Гейне: Его жизнь и литературная деятельность // Электронная библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wejnberg_p_i/text_0080.shtml (дата обращения 1 апр. 2019).

В «Коричневых клопах» контраст иного рода. Алчность, подлость и жестокость гитлеровцев противопоставляются доблести и миролюбию европейских рабочих, а также благородству советских людей. Здесь же Гроссман актуализирует принципиальную для пропаганды СССР антитезу «капиталистическое–социалистическое». С этой целью человеконенавистническая политика Гитлера объявляется итогом прусского империализма. То обстоятельство, что последователи Гитлера причисляли себя к национал-социалистам, игнорировалось. Очевидно, любое уточнение понятия «социализм» создавало риск его дискредитации. Отмечу, однако, что и друг с другом статьи Гроссмана контрастируют. Первая посвящена жизни СССР, вторая – жизни разоренной Европы. Гигантский континент оказался расколот. С одной стороны – кровавый режим Гитлера. С противоположной – единственная сила, способная его уничтожить. Таким образом два этих материала оказываются логически и композиционно связанными. Эта особенность позволяет предположить, что Гроссман изначально планировал последовательную публикацию двух этих материалов. Такое выступление в печати вполне могло стать визитной карточкой для писателя, планировавшего поступление в штат газеты «Красная Звезда». Это и случилось в августе 1941 г. [Бочаров 1990, с. 104].

Литература

- Бочаров 1990 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990.
- Елина 1994 – *Елина Н.Г.* Василий Гроссман. Иерусалим, 1994.
- Мальгина 2018 – *Мальгина Н.М.* Андрей Платонов и литературная Москва. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Мунблит 1964 – *Мунблит Г.* Гроссман Василий Семенович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1964. Стб. 398–399.
- Храмов 1983 – *Храмов Ю.А.* Майер Юлиус Роберт (Mayer Julius Robert) // Физики. Биографический справочник / Под ред. А.И. Ахизера. М.: Наука, 1983. С. 174.
- Шарвин 1925 – *Шарвин В.В.* Юстус Либих. М.: Госиздат, 1925.
- Beevor 2006 – A writer at war: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945 / Ed. and translated by Antony Beevor and Luba Vinogradova. London: Pimlico, 2006.
- Anissimov 2012 – *Anissimov M.* Vassili Grossman: Un'écrivain de combat. Paris: Éd. Du Seuil, cop.
- Ellis 1994 – *Ellis F.* Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994.
- Garrard, Garrard 1996 – *Garrard J., Garrard C.* The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996.

References

- Anissimov, M. (2012), *Vassilii Grossman: Un écrivain de combat* [Vasily Grossman: a writer of war], Éd. Du Seuil cop, Paris, France.
- Beevor, A. and Vinogradova, L. (ed.) (2006), *A writer at war: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945*, Pimlico, London, UK.
- Bocharov, A.G. (1990), *Vasily Grossman: Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vassily Grossman: Life, legacy, fate], Sovetskii Pisatel', Moscow, USSR.
- Elina, N.G. (1994), *Vassilii Grossman* [Vasily Grossman], Jerusalem, Israel.
- Ellis, F. (1994), *Vassily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic*, Berg Publishers, Oxford, UK.
- Garrard, J. and Garrard, C. (1996), *The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman*, The Free Press, N.Y., USA.
- Malygina, N.M. (2018), *Andrey Platonov I literaturnaya Moskva* [Andrey Platonov and literary Moscow], Nestor-Istoriya, Moscow, St. Petersburg, Russia.
- Munblit, G. (1964), "Grossman Vasily Semyonovich", *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief literary encyclopedia], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR, col. 398–399.
- Khramov, Yu.A. (1983), "Mayer Julius Robert", in Akhizer, A.I. (ed.), *Fisiki. Biograficheskii spravochik* [Physicists. Biographical reference], Nauka, Moscow, USSR, p. 174.
- Sharvin, V.V. (1925), *Justus Liebig*, Gosizdat, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yury G. Bit-Yunan, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; bityunan@gmail.com